

ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОМАШНИЙ ТРУД В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Ольга Ткач, Майда Хрженяк

Ольга Ткач – приглашенный соредактор специального выпуска, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ). Адрес для переписки: ЦНСИ, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. tkach@cisr.ru.

Майда Хрженяк – приглашенный соредактор специального выпуска, старший научный сотрудник Института мира – Института современных социальных и политических исследований (Любляна). Адрес для переписки: Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies, Metelkova 6, 1000 Ljubljana, Slovenia. majda.hrzenjak@mirovni-institut.si.

В европейских исследованиях оплачиваемого домашнего труда давно сложилась традиция изучать бывшие социалистические страны как источник дешевой, преимущественно женской рабочей силы для стран Западной Европы. В настоящее время активно развивается концепция «европейского занавеса заботы» (ср. аллюзию на «железный занавес», некогда разделявший два разных мира)¹. Этот занавес маркирует воображаемую границу глобального разделения труда между Европой постсоциалистической и остальной, где первая, по сути, экспортирует заботу, а вторая импортирует ее. Для многих эта модель движения заботы с Востока на Запад была и остается единственным возможным исследовательским сюжетом в сфере изучения оплачиваемого домашнего труда.

Целью этого специального номера стало расширение нашего знания о труде домашних работников с помощью исследований того, как этот феномен глобаль-

¹ Понятие вводит и активно разрабатывает в своей готовящейся к публикации книге «Европейский занавес заботы» немецкая исследовательница Хельма Лутц. В этой книге рассматривается европейская специфика глобализации работы, связанной с обеспечением ухода (care work). В современности женщины-мигрантки из стран бывшего социалистического лагеря работают в сфере ухода и помощи на юге, западе и севере Европы. Лутц изучает параметры этих европейских барьеров, конфигурация которых совпадает с границей бывшего «железного занавеса», исследуя «занавес заботы» как одно из проявлений нового геополитического паттерна. См. об этом подробнее: <https://www.wilsoncenter.org/person/helma-lutz#sthash.PZgVBdcn.dpuf>.

ного характера устроен в ряде стран Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Отправным пунктом здесь послужила Международная конференция «Домашние работницы в странах Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства», которая проводилась 24–26 апреля 2015 года в Центре независимых социологических исследований (ЦНСИ) в сотрудничестве с Фондом Розы Люксембург. В этом мероприятии, первом в своем роде, приняли участие более 20 исследователей из 15 стран – все они изучают проблемы оплачиваемого домашнего труда в бывшем СССР и постсоциалистической Европе². На конференции и, как следствие, в данном спецномере была предпринята попытка заглянуть за «европейский занавес заботы» из перспективы стран Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза, в которых многие процессы развиваются сходным образом, в целом отражая глобальные тенденции. Среди них ослабление социального государства и формирование неолиберальной системы распределения социальных благ, трансформация классовый и возрастной структур общества, актуализация дефицита заботы и ее коммерциализация, сопровождающаяся появлением соответствующих профессиональных занятий.

Несмотря на то, что в развитии обществ, бывших когда-то частью социалистической системы, наблюдаются очевидные различия, их объединяет ряд структурных характеристик, задающих особенности организации оплачиваемого домашнего труда по сравнению с западноевропейскими контекстами. Во-первых, на протяжении последних десятилетий большинство из них пережили существенные изменения социалистических «государств всеобщего благосостояния» и стремительную коммерциализацию сферы заботы. Во-вторых, в данном регионе преобладают не международные, а местные рынки труда и цепочки заботы. В-третьих, в постсоциалистических контекстах оплачиваемый домашний труд очень слабо защищается законодательством и регулируется государственными институтами. В своем редакторском введении нам хотелось бы последовательно рассмотреть эти особенности.

Хотя непосредственно после Второй мировой войны в частных домашних хозяйствах Западной Европы практически не использовался труд наемных работников, таких как уборщицы, няни и сиделки, в 1970-е годы произошло массовое возвращение этого типа занятости (Ehrenreich and Hochschild 2003; Sarti 2008). Вместе с тем в странах Центральной и Восточной Европы, как и в странах бывшего Советского Союза, несмотря на самый высокий в мире уровень женской занятости (Saxonberg and Širovátková 2006), спрос на оплачиваемый домашний труд начал расти лишь в переходный период, в конце 1990-х, и в особенности в начале нового тысячелетия. Объяснение этому можно найти в приоритете социальных прав в социалистической системе (несмотря на имевшиеся различия между странами Центральной и Восточной Европы и бывшим Советским Со-

² Почти все прозвучавшие на конференции доклады были опубликованы в двуязычном сборнике материалов (Ткач 2015). Статьи в настоящем номере представляют собой переработанные версии некоторых выступлений; один из авторов спецномера в конференции участия не принимал.

юзом). Особое внимание в этих странах уделялось тому, чтобы обеспечить женщинам доступ к полной занятости наравне с мужчинами, и тем самым – к их полноправному экономическому и социальному гражданству. Начиная с 1950-х годов в социалистических странах установилась модель «работающего взрослого» гражданина, или семейная модель «двух кормильцев» (Lister et al. 2007), которая в капиталистической Европе до сих пор реализована лишь частично, несмотря на значительные усилия по выработке принципов совмещения работы и семьи. В соответствии с социалистической политикой всеобщей занятости, особенно поддерживающей женскую эмансипацию, женщинам была предоставлена возможность постоянной занятости на полный рабочий день, которая обеспечивала их важными индивидуальными правами на социальное, медицинское и пенсионное страхование. В качестве работниц с полной занятостью и матерей, или «работающих матерей» (Temkina and Rotkirch 1997), женщины получили право на различные социальные выплаты, типы помощи и бонусы, причем как субъекты, а не иждивенки своих работающих партнеров. Полная занятость принесла женщинам базовую экономическую независимость и, в свою очередь, принципиально повлияла на изменение их роли и улучшение их положения как в семье, так и в обществе. Помимо качественной схемы оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, не слишком короткого и не слишком длинного, социалистические государства (через компании, находящиеся в общественной собственности) создавали условия для полной занятости женщин, организуя сеть общедоступных социальных учреждений, таких как ясли, дошкольные учреждения, группы продленного дня в младших классах школы, организованный отдых на каникулах и школьное питание наряду с организованным питанием и столовыми для рабочих – все это было призвано освободить женщин от работы по дому (Vircar 2009).

В действительности качество и уровень перечисленных услуг, предоставляемых патерналистским социалистическим государством, зачастую были сомнительными. Медицинское обслуживание и другие службы социальной помощи, институты дошкольного образования, ясли и детские сады, как и вся прочая социальная инфраструктура, не соответствовали требованиям семей и вынуждали их к применению собственных стратегий преодоления структурных ограничений. В этом смысле массовая практика задействования социальных сетей и родственных, преимущественно межпоколенческих связей и солидарностей позволяли семьям компенсировать неразвитость учреждений социальной инфраструктуры и недоверие к ним, характерное для позднесоветского периода (Здравомыслова и Темкина 2007:130, 135; Rotkirch, Tkach, and Zdravomyslova 2012:133). Ролевая модель «бабушки, воспитывающей внука» (Здравомыслова 2009:101) была почти обязанностью для поколений советских женщин, вышедших на пенсию. Массовое обобществление и дефамелизация воспитания детей, вкупе с официально провозглашенной ценностью экономического и классового равенства и женской эмансипацией, стали ключевыми факторами, сделавшими оплачиваемый труд в частных домохозяйствах в период социализма одновременно ненужным и непопулярным. Рынок домашних ра-

ботников существовал в крайне ограниченных масштабах и был ориентирован преимущественно на партийную и творческую элиту³. В целом же институт оплачиваемого домашнего труда при позднем социализме был развит фрагментарно и не имел широкого распространения (98).

В процессе перехода к капитализму многие (хотя и не все) страны Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР последовательно, но в разной степени демонтировали свои социалистические социальные системы (не без влияния таких международных акторов, как Всемирный банк и другие активные сторонники «экономного» социального государства). Это создало структурные условия для распространения оплачиваемого труда наемных работников в частных домашних хозяйствах. Политика упразднения общественной системы детских учреждений и ужесточения декретных отпусков – они либо слишком длинные, либо слишком короткие, оплачиваются частично, мало или по фиксированной ставке – в сочетании с предложениями налоговых льгот и пенсионных бонусов, побуждающих женщин оставаться дома после окончания отпуска по уходу за ребенком, или назначениями субсидий для самостоятельного найма няни – все это осложняет возвращение женщины на рынок труда после рождения ребенка (Morel 2015). В целом женщины все больше вынуждены соглашаться на нестабильную частичную занятость, в результате чего они оказываются в положении вторичной, маргинальной рабочей силы, экономически зависимой от партнеров-мужчин (Terlova 2007). Чтобы этого избежать, те женщины, которые могут себе это позволить, используют стратегию делегирования работы по хозяйству и заботы о детях наемным работницам (мигранткам), в большинстве случаев основываясь на неформальной договоренности. В текстах, включенных в этот специальный номер, осмысляются эти изменения. Например, в Чешской Республике система заботы о ребенке была реформирована в соответствии с корпоративно-консервативной моделью путем увеличения отпуска по уходу за ребенком и радикального сокращения числа государственных детских садов. Если в 1990 году государственные детские сады все еще принимали примерно 40 000 детей, в 2011 году число мест в них сократилось до 1 425, что создало огромный спрос на частных домашних нянь (Souralová 2015). Помимо политических и экономических причин подобных трансформаций на развитие сектора частных услуг, например, в России, повлияли также изменения гендерного порядка. Нуклеаризация городских семей среднего класса, эмансипация молодых поколений от расширенной семьи и кризис семейной роли бабушки, сменившей заботу о внуках на работу, способствовали стремительному развитию рынка услуг домашних работников. Бесплатный домашний труд бабушки был заменен оплачиваемым трудом няни (Здравомыслова 2009:100–101).

³ В большевистской и советской России дореволюционный институт домашней прислуги был приписан к рабочему классу – как группа трудящихся женщин, выполняющих домашнюю работу. Исторические исследования показывают, что рынок домашнего труда в первой трети двадцатого века формировался благодаря географической и социальной мобильности женщин, перемещавшихся из деревень в города (Измозик и Лебина 2001; Лебина 2006; Клоц 2012).

Миграционные контексты в постсоциалистических странах также имеют свою специфику. Гораздо больше, чем иммиграция, на эти страны оказала влияние эмиграция, особенно после 2004 года, когда расширение Европейского союза облегчило жителям Восточной Европы миграцию на Запад. Не только мужчины, но и женщины (как молодые, так и пожилые) эмигрировали в «глобальные метрополии», чтобы пополнить неформальный сектор мигрантского домашнего труда в частных домохозяйствах, где в неблагоприятных условиях, созданных наложением эффектов иммиграции и занятости в сфере ухода, они реализуют мультилокальные стратегии заботы (Bonizzoni 2014). Такая феминизация эмиграции вкупе с демонтажем общественной системы социальной защиты вызвали в постсоциалистических странах значительный дефицит заботы в сфере ухода – как за детьми, так и за пожилыми людьми – и создали структурные предпосылки для возникновения локальных и глобальных цепочек заботы. Потоки миграции внутри и за пределами Европы продолжают трансформироваться с тех пор, как страны Центральной и Восточной Европы вступили в Евросоюз в 2004 и 2007 годах, а также под влиянием глобального экономического кризиса 2008–2009 годов и текущей геополитической ситуации, в частности – кризиса с беженцами. Многие страны перестали быть исключительно отправляющими на глобальном рынке труда и начали принимать иностранных мигранток, которые работают, в том числе, нянями, сиделками и уборщицами в семьях средних классов.

На связь между дефицитом заботы, феминизацией миграции и глобальным структурным неравенством обращают внимание Расель Салазар Парреньяс (Parreñas 2001), предлагающая категорию «международное разделение репродуктивного труда», которую она развивает в своей диссертации о филиппинских работницах в Риме и Лос-Анджелесе, и Арли Рассел Хохшильд (Hochschild 2000), развившая понятие «глобальная цепочка заботы». Эти авторы показывают, что международное разделение репродуктивного труда порождается глобальным капитализмом и системой гендерного неравенства одновременно в странах исхода и принимающих странах (Parreñas 2001:72). Паттерны глобального трансфера труда, связанного с помощью и уходом, как правило, не случайны. На них нередко влияют географическая близость (например, украинки работают в семьях среднего класса в Польше, в то время как польские женщины работают в Германии) (Kindler 2008), а также сходство языков, культур, религий и других культурных факторов. Миграцию также облегчают двусторонние соглашения о безвизовом режиме между некоторыми странами, входившими прежде в Советский Союз, а сейчас – в СНГ. Так, недавние исследования показали, что женщины-мигрантки из Беларуси, Украины, Узбекистана, Молдовы и Таджикистана трудятся в качестве домашних работниц в России, а из Кыргызстана и Узбекистана – в Казахстане (Тюрюканова 2011:101; Карачурина и др. 2014:31).

Вместе с тем в постсоциалистических контекстах занятия, связанные с уходом и заботой, формируются одновременно на внутренних и внешних рынках труда, и мигранты соревнуются за лучшие места с местными претендентами на работу. По сравнению с Западной Европой, где женщины из-за нехватки государственной помощи вынуждены нанимать помощниц по дому для того, чтобы

выйти на официальный местный рынок труда, в Центральной и Восточной Европе и странах бывшего Советского Союза множество женщин продолжают использовать помощь родственников, соседей и сослуживцев (и изредка мигрантов), чтобы иметь возможность самим продавать свой труд за границей в качестве временных домашних работниц⁴.

Большинство западных исследований оплачиваемого домашнего труда сконцентрировано на труде мигрантов, при этом ситуация с местными работниками изучена недостаточно. Все материалы настоящего тематического номера указывают на значительную долю (а в некоторых странах даже и на численное преимущество) местных домашних работников в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Такие глубокие структурные изменения, произошедшие в процессе перехода к новой экономической системе, как поляризация богатых и бедных, высокий уровень безработицы, усложнение условий труда и уменьшение зон ответственности социального государства, привели к тому, что местные женщины пополнили рынок неформального оплачиваемого домашнего труда и ухода. Безработица во время переходного периода больше всего затронула малообразованных городских женщин старшего возраста. Подобные обстоятельства заставили многих из них перейти на неформальные оплачиваемые профессии, связанные с помощью в доме, чтобы избежать бедности. В 1990-е годы ранний выход женщин на пенсию стал одним из способов уменьшения структурной безработицы, вызванной экономическим кризисом переходного периода, разрушившим многие феминизированные индустрии (такие как, например, текстильная индустрия в Словении). Эта система обрекла множество сравнительно молодых пенсионерок на нищету, облегчив их попадание в неформальный сегмент труда по обеспечению заботой, где они нашли для себя (традиционную) нишу для дополнительных заработков. Похожим образом распад СССР запустил процесс нисходящей классовой мобильности для многих социальных групп, включая женщин предпенсионного возраста, которые попадали в теневой сегмент рынка домашних услуг и устраивались работать уборщицами в домах своих знакомых и бывших коллег по работе. Специализированные рекрутинговые агентства и клининговые компании, появившиеся в 1990-е годы, тоже создавали женщинам возможности для найма, хотя главным движущим механизмом этого рынка труда всегда оставались личные знакомства (Тартаковская 2001; Козина 2002; Евдокимова 2004; Ткач 2009). В России этот рынок, кроме всего прочего, пополнялся и продолжает пополняться своими же согражданами – внутренними мигрантами, переезжающими

⁴ Приватный характер домашнего труда в разные исторические периоды и в разных политических ситуациях превращал его в убежище для различных уязвимых социальных групп. В Советском Союзе оплачиваемый домашний труд выступал в качестве возможной работы для женщин из семей, преследуемых по политическим мотивам, так как эти женщины не могли официально устроиться на работу (Rotkirch et al. 2012:133). В ходе социально-политических трансформаций, последовавших за коллапсом социалистического лагеря, граждане, потерявшие работу или ставшие жертвой этнических конфликтов, пополнили рынок оплачиваемого домашнего труда. Для них эта ниша стала убежищем и увеличила шансы на выживание для их семей (см., например: Perkućin and Radulović 2015).

в мегаполисы из деревень и маленьких городов, которых нанимают как приходящих помощников (об оплачиваемых сиделках см.: Савоскул 2013). Сходные тенденции развития рынка домашнего труда наблюдаются и в других постсоветских государствах, например, Армении, Азербайджане, Грузии, Казахстане, Латвии, Украине, где большинство рабочих мест занимают местные домашние работницы (Карачурина и др. 2014; Ткач 2015). Хотя для многих женщин неформальная оплачиваемая домашняя работа остается способом выживания, в этой сфере присутствуют также социальные группы, для которых она представляет собой скорее возможность подработок и дополнительных заработков (Jensen, Pfau-Effinger, and Flaquer 2009). Это главным образом студентки, пользующиеся поддержкой родителей, но подрабатывающие в домашних хозяйствах ради карманных денег.

Присутствие на рынках труда местных домашних работниц ставит под вопрос аргумент, широко использующийся в западных исследованиях домашнего труда. В соответствии с ним в настоящее время проблема домашних работниц трансформировалась из классовой в этническую (Ozyegin and Hondagneu-Sotelo 2008:204). Однако класс/бедность остается важным фактором поддержания неформальных рынков домашнего труда местных работников. Этот аспект неравенства скрывает множественные процессы внутреннего исключения, основанные на личных обстоятельствах, таких как затяжная безработица, нестабильная (прекарная) занятость или занятость в низкооплачиваемом секторе, возраст, физические ограничения, наличие ребенка у матери-одиночки, плохое образование и так далее. В то же время «локальные цепочки заботы» могут также быть в значительной мере этнизированы, включать в себя разнообразных представителей этнических меньшинств и внутренних мигрантов из некогда общей страны (например, Советского Союза или Югославии), которые теперь являются более или менее ассимилировавшимися гражданами, но тем не менее ощущают дискриминацию и отчуждение (*othering*) на официальном рынке труда.

В свою очередь, запрос на оплачиваемый домашний труд поступает от среднего и высшего классов, завоевавших и удерживающих свои позиции в постсоциалистических обществах на протяжении почти трех десятилетий. Наблюдается рост ожиданий и требований новых групп потребителей в отношении социального сервиса, их материальных возможностей выбора услуг по уходу за детьми и воспитанию, желание «отделиться от масс» с помощью покупки дорогих и эксклюзивных услуг, в том числе и наемного домашнего труда (Zdravomyslova 2009:102). В зависимости от характера социальной группы функции наемных домашних работников в ней варьируются. Для очень состоятельных кругов и нуворишей факт найма на работу уборщицы и няни преимущественно символизирует их статус, поскольку позволяет нанимателям демонстрировать определенный стандарт жизни, соответствующий тому классу, к которому они стремятся принадлежать. Для среднего класса главной причиной найма оплачиваемых помощников для домашней работы оказывается необходимость как-то выстроить баланс работы и жизни в ситуации высококонкурентного рынка труда, при дефиците и сомнительном качестве услуг, предоставляемых государством, особенно в области заботы о детях. Нанимая помощников по дому (порой в дополнение к помощи супруга, родствен-

ников и друзей), работающие женщины облегчают себе ежедневную логистику (Rotkirch et al. 2012:134).

Последнее, хотя и не менее важное обстоятельство заключается в том, что эта «новая» профессиональная сфера в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР остается в значительной степени неотрегулированной законодательно. Достаточно указать на то, что до сих пор ни одна из постсоциалистических стран не ратифицировала 189-ю Конвенцию Международной организации труда «О достойном труде домашних работников». Вместе с тем рост неформализации и коммерциализации труда, связанного с заботой о доме и домохозяйствах, создает ряд существенных проблем (таких как отсутствие контроля качества и доступности этих услуг, крайне неудовлетворительные условия труда домашних работников). В некоторых странах (например, в Чешской Республике) увеличивается число коммерческих агентств, которые способствуют трудоустройству домашних работников, однако условия труда работников, поддерживаемых агентствами, еще не были изучены. Многие домашние работники – самозанятые, они находятся в неустойчивых трудовых отношениях без трудовых контрактов, с низкой зарплатой и высокой степенью незащищенности. Такая же ситуация наблюдается в российских городах, где женщины-мигрантки предпочитают не связываться с агентствами занятости и искать возможность заработка по знакомству, так что все они (и в особенности – те, кто нанимаются на работу с условиями проживания) рискуют оказаться полностью зависимыми от своих работодателей. Чтобы избежать этой зависимости многие мигрантки, работающие нянями и сиделками, отказываются от совместного проживания с семьей, в которой работают. Они предпочитают платить за съемное жилье, чтобы сохранить право на частную жизнь и иметь возможность самим, без вмешательства работодателей, распоряжаться своим временем (Тюрюканова 2011:101–105).

Опросы, проведенные в России и Казахстане, выявили проблемы, с которыми сталкиваются домашние работники-мигранты. Среди них переработки, а именно многочасовая работа без выходных, низкая заработная плата и сексуальные домогательства. При этом для агентств занятости приоритетными являются интересы нанимателя; в случае его недовольства работников заменяют вне зависимости от того, что они сами об этом думают. Как правило, домашние работники не осведомлены о своих правах и не стремятся о них узнать (Карачурина и др. 2014:65–70). Мы предполагаем, что занятость большинства из них в теневом секторе экономики, создает заведомо неблагоприятные условия. Такая работа нелегальна и, соответственно, не создает для домашнего персонала никакой социальной защиты; не позволяет рассчитывать на пенсию, а увеличивает риск бедности и экономической зависимости от других членов семьи в пожилом возрасте. Одновременно она укрепляет сложившиеся паттерны феминизации и индивидуализации домашнего труда. Подобная фрагментация и деформализация сектора домашнего труда и ухода вместе с изоляцией работников в частной сфере уменьшают возможности для их самоорганизации и объединения в профсоюзы.

Может создаться впечатление, что в сравнении с мигрантами местные работники сферы заботы находятся в значительно более выгодном положении: в целом

они в меньшей степени подвергаются произволу работодателей, так как проживают отдельно от них; им легче найти баланс между работой и собственной семьей; общие язык и культура облегчают им вход в семью, где они работают; у них нет проблем с гражданством, разрешениями на работу и проживание, как нередко бывает у мигрантов; зачастую они просто подрабатывают, а не зарабатывают на жизнь; работают они время от времени, а не постоянно. Все эти обстоятельства придают уверенности местным домашним работникам и делают их менее уязвимыми для эксплуатации в этом неотрегулированном сегменте рынка труда (Hrženjak 2011). Однако местные делят с мигрантами статус неофициальных домашних работников и опыт существования в пограничной зоне законодательства, поскольку правительства борются с теневой экономикой (Lutz 2008:45).

Цель этого специального тематического номера – расширить наше знание об оплачиваемом домашнем труде, изучая его из перспективы стран, которые не так давно начали переход к капитализму и еще не институционализировали занятость в частной сфере. Номер состоит из четырех статей и четырех книжных рецензий. Автор первой статьи Зузана Секеракова Бурикова показывает, как семьи среднего класса в Словакии нанимают домработниц или нянь, чтобы привести к компромиссу новые структурные условия, такие как увеличение отпуска по уходу за ребенком и ликвидация общественных дошкольных учреждений, с одной стороны, и напряжение, связанное с совмещением родительства и рабочей занятости – с другой. Она применяет концепт гендеризованного культурного сценария, разработанный Хельмой Лутц (см., например: Lutz 2008), чтобы выявить логику, стоящую за фактом делегирования домашнего труда – *почему* существует спрос и предложение на эту работу. Автор расширяет этот концепт, чтобы проанализировать гендернодифференцированный культурный сценарий на примере конкретных договоренностей и отношений между работодателями и теми, кто предоставляет оплачиваемую домашнюю работу и заботу, – *как* эта работа делегируется и *кто* считается подходящим для выполнения того или иного типа домашней работы.

Словения, одна из стран бывшей Югославии, напротив, сохранила социалистическую систему государственных дошкольных учреждений и качественную схему отпуска по уходу за ребенком. Вследствие этого в Словении лишь немногие люди нанимают частных нянь (в сравнении со случаями найма сиделок и уборщиц, а также с аналогичными практиками в других европейских странах). Статья Живы Хумер и Майды Хрженяк посвящена анализу современной политики Словении в сфере заботы о детях. Авторы рассматривают процессы (де)фамилизации и обобществления этой сферы, для того чтобы объяснить ограниченность и специфические характеристики неформального рынка услуг по уходу за детьми. Они утверждают, что принципиально важны не столько масштабы ответственности государства в сфере заботы и ухода, сколько то, каким образом государство выполняет эти функции. Приоритет компенсаций и материальной помощи над развитием сферы государственных услуг ведет к расширению теневой экономики и увеличению доли труда женщин-мигранток, в то время как предоставление государственных общедоступных услуг в сфере заботы и ухода существенно уменьша-

ет объем теневого рынка и влияние глобализации труда в данном сегменте. Это становится очевидным на примере Словении, где, как показывают авторы, опираясь на индивидуальные интервью с родителями и нянями, нанятыми неформально, оплачиваемый неформальный труд по уходу за детьми используется нерегулярно, время от времени и на короткие периоды; а основными исполнителями в данном случае выступают местные пенсионерки и студентки.

Елена Здравомыслова и Ольга Ткач анализируют, каким образом создается классовое неравенство в сфере оплачиваемого домашнего труда в России. Фокусируясь на отношениях «наниматель – работник», авторы выделяют две культурные модели классового неравенства, которые воспроизводятся в процессе найма: «хозяева» и их «прислуга», «профессионалы» и их «домашние помощники». Опираясь на понятие диалектики контроля, авторы показывают механизмы конструирования статуса местных домашних работников и их нанимателей в обеих культурных моделях. Они обнаруживают, что первая модель предполагает иерархические отношения, предоставляющие нанимателям возможность поддерживать и демонстрировать более высокий статус, превосходство в отношениях с «прислужгой». Эта модель активно воспроизводится в масс-медиа, несмотря на то, что она критикуется как нелегитимная и не соответствующая современной трудовой культуре. Вторая культурная модель, которую авторы обозначили понятием «эгалитарное неравенство», предполагает определенную рефлексию со стороны нанимателя по поводу отношений «наниматель – работник». Наниматель пытается, насколько возможно, нивелировать иерархию и компенсировать неравенство эмоциональной работой и моральной поддержкой. Эта модель представлена в большей степени в среде работающих женщин среднего класса, которые нуждаются в помощи по дому для того, чтобы поддерживать свою семейную жизнь и баланс между работой и семьей. Эти две модели сосуществуют в современном российском обществе, функционируя в разных социальных, культурных и смысловых пространствах.

Лиза-Мария Хаймесхофф исследует то, как домашние работники в Чешской Республике самоорганизуются для защиты своих прав, борьбы с эксплуатацией и обретения уверенности. Автор позволяет нам проникнуть в чешский сектор домашнего труда, который, по сравнению со многими западными странами, характеризует высокая гетерогенность рабочей силы и широкий спектр рабочих отношений. Среди домашних работников там встречаются мигранты и местные; самозанятые, нанятые неформально и по контракту; здесь распространено трудоустройство на домашнюю работу с частичной или полной занятостью. Автор утверждает, что такая гетерогенность затрудняет самоорганизацию работников. Опираясь на модель самоорганизации домашних работников, предложенную Ширин Элли (Ally 2005), Лиза-Мария Хаймесхофф определяет случай Чешской Республики как пример ассоциативной модели и объясняет причины недостаточной вовлеченности профсоюзов в переговоры по поводу ратификации 189-й Конвенции Международной организации труда «О достойном труде домашних работников», апеллируя к постсоциалистическому наследию организации профсоюзной работы.

Процессы формирования рынков труда домашних работников в постсоциалистических контекстах остаются малоизученными и, к сожалению, едва заметными на фоне европейского исследовательского мейнстрима. Эта тема совсем недавно начала привлекать внимание исследователей, собранная ими информация все еще нуждается в новых теоретических рамках и интерпретациях. В отличие от кажущегося вполне связным западного дискурса исследований оплачиваемого домашнего труда, работам о постсоциалистических контекстах недостает интернационализации, поскольку лишь немногим авторам удается опубликовать свои работы в международных изданиях. Эти исследования остаются фрагментарными, привязанными к локальной научной среде, так что на данный момент довольно трудно представить, в каком состоянии находится исследуемая проблема в целом. Одним из самых значимых по-прежнему остается вопрос о том, как коммерциализация заботы происходит в обществах, имеющих в своей недавней истории опыт социального государства и официального эгалитаризма. Нам недостает информации о формировании рынков труда домашних работников и о статусе местных и иностранных претендентов на эти вакансии в постсоциалистических странах; о специфике домашней занятости, которая возрождается во многих обществах в данном регионе, и, в частности, о специфике отношений «наниматель – работник»; о проблемах неравенства, эксплуатации и соблюдения прав в этой слабо отрегулированной сфере частного найма; наконец, о частной жизни домашних работников за пределами работы, об их профессиональных идентичностях и чувстве принадлежности.

Статьи в этом специальном номере заполняют хотя бы некоторые из обозначенных выше лакун и проливают свет на проблематику оплачиваемого домашнего труда, находящуюся за пределами мейнстримных исследований об оттоке заботы с Востока на Запад. Мы рассматриваем свою работу как незавершенную и в ближайшем будущем ожидаем появления более обстоятельных исследований и последующих оживленных дискуссий в этой области.

*Перевод с английского Натальи Самутиной,
научный редактор перевода – Ольга Ткач*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Евдокимова, Елена. 2004. *Женская ниша на рынке труда*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Политехнического университета.
- Здравомыслова, Елена. 2009. «Няни: коммерциализация заботы». С. 94–136 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2007. «Советский этакратический гендерный порядок». С. 96–137 в *Российский гендерный порядок: социологический подход*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Измозик, Владлен и Наталья Лебина. 2001. «Жилищный вопрос в быту у ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920–1930-х гг.». *Вопросы истории* 4:98–110.
- Карачурина, Лилия, Дмитрий Полетаев, Юлия Флоринская и Эльвира Ватлина. 2014. *Домашние работники в России и Казахстане*. Алматы: Ex Libris.

- Клюц, Алиса. 2012. «“Светлый путь”: институт домашних работниц как миграционный канал и механизм социальной мобильности эпохи сталинизма». *Новое литературное обозрение* 117(5):40–52.
- Козина, Ирина. 2002. «Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда». *Социологический журнал* 3:126–136.
- Лебина, Наталья. 2006. *Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Савоскул, Мария. 2013. «Сиделки из провинции в большом городе». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 1(113):127–135.
- Тартаковская, Ирина. 2001. «Мужская работа, женская работа...». *Рубеж (альманах социальных исследований)* 16–17:87–101.
- Ткач, Ольга. 2009. «Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта». С. 137–188 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Ткач, Ольга, сост. 2015. *Домашние работницы в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства*. Материалы Международной конференции, Центр независимых социологических исследований, Санкт Петербург, Россия, 24–26 апреля 2015 г. Просмотрено 12 июня 2016 г. (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Тюрюканова, Елена, ред. 2011. *Женщины-мигранты из стран СНГ в России*. М.: Макс Пресс.
- Ally, Shireen. 2005. “Caring about Care Workers: Migrating in the Female Shadow of Globalisation.” *Travail, capital et société* 38(1/2):184–207.
- Bonizzoni, Paola. 2014. “Immigrant Working Mothers Reconciling Work and Childcare: The Experience of Latin American and Eastern European Women in Milan.” *Social Politics* 21(2):194–217.
- Burcar, Lilijana. 2009. “Od socialistične k (neoliberalni) kapitalistični družbenoekonomski ureditvi: Redefinicija državljanstva žensk.” *Borec* 61(657/661):296–331.
- Ehrenreich, Barbara, and Arlie Russell Hochschild, eds. 2003. *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Books.
- Hochschild, Arlie Russell. 2000. “Global Care Chains and Emotional Surplus Value.” Pp. 124–138 in *On the Edge: Living with Global Capitalism*, edited by Will Hutton and Anthony Giddens. London: Jonathan Cape.
- Hrženjak, Majda. 2011. “Revival of Informal Paid Care Work in Eastern European Countries.” Pp. 302–320 in *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*, edited by Maija Jäppinen, Meri Kulmala, and Aino Saarinen. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Jensen, Per H., Birgit Pfau-Effinger, and Lluís Flaquer. 2009. “The Development of Informal Work in the Work-Welfare Arrangements of European Societies.” Pp. 3–21 in *Formal and Informal Work: The Hidden Work Regime in Europe*, edited by Birgit Pfau-Effinger, Flaquer Lluís, and Per H. Jensen. New York: Routledge.
- Kindler, Marta. 2008. “Risk and Risk Strategies in Migration: Ukrainian Domestic Workers in Poland.” Pp. 145–161 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Lister, Ruth, Fiona Williams, Anneli Anttonen, Jet Bussemaker, Ute Gerhard, Jacqueline Heinen, Stina Johansson, Arnlaug Leira, Birte Siim, and Constanza Tobio, with Anna Gavanas. 2007. *Gendering Citizenship in Western Europe: New Challenges for Citizenship Research in a Cross-National Context*. Bristol, UK: Policy Press.
- Lutz, Helma. 2008. *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Morel, Nathalie. 2015. “Servants for the Knowledge Based Economy? The Political Economy of Domestic Services in Europe.” *Social Politics* 22(2):170–193.
- Ozyegin, Gul, and Pierette Hondagneu-Sotelo. 2008. “Conclusion: Domestic Work, Migration and the New Gender Order in Contemporary Europe.” Pp. 195–209 in *Migration and Domestic*

- Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Perkućin, Danilo, and Vuk Radulović. 2015. "Domestic Labor in Post-Socialist Serbia (With Special Reference to the Position of Women in Terms of Refugee Migration)." Pp. 75–87 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved September 15, 2016 (<http://cistr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Rotkirch, Anna, Olga Tkach, and Elena Zdravomyslova. 2012. "Making and Managing Class: Employment of Paid Domestic Workers in Russia." Pp. 129–148 in *Rethinking Class in Russia*, edited by Suvi Salmenniemi. Farnham, UK: Ashgate.
- Sarti, Raphaella. 2008. "The Globalisation of Domestic Service: An Historical Perspective." Pp. 77–98 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate.
- Saxonberg, Steven, and Tomáš Sirovátka. 2006. "Failing Family Policy in Post-Communist Central Europe." *Journal of Comparative Policy Analysis* 8(2):189–206.
- Sourlová, Adela. 2015. "An Employer Sui Generis: How Placement Agencies Are Changing the Nature of Paid Childcare in the Czech Republic." Pp. 151–169 in *Employers, Agencies and Immigration: Paying for Care*, edited by Anna Triandafyllidou and Sabrina Marchetti. Farnham, UK: Ashgate.
- Temkina, Anna, and Anna Rotkirch. 1997. "Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia." *Idäntutkimus: Finnish Journal of Russian and Eastern European Studies* 2:6–24.
- Teplova, Tatyana. 2007. "Welfare State Transformation, Childcare, and Women's Work in Russia." *Social Politics* 14(3):284–322.